

Р.И. Сефербеков

ХОЗЯЕВА СТИХИЙ: МАТЬ ВОДЫ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Заметное место среди мифологических персонажей, связанных с водной стихией, у народов Дагестана занимала Мать воды. Следует отметить, что вода – «одна из фундаментальных стихий мироздания. В самых различных мифологиях вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» (Аверинцев С.С., 1994. С. 240). «Любая вода является символом Великой Матери и ассоциируется с рождением, женским началом, утробой вселенной, *prima materia*, водами плодородия и свежести, источником жизни. Вода растворяет, уничтожает, очищает, «смывает» и восстанавливает. Вода возвращает к жизни и дает новую жизнь» (Купер Дж., 1995. С. 39). Но зачатие требует как женского, так и мужского начала; отсюда два аспекта мифологемы воды. В роли женского начала вода выступает как аналог материнского лона и чрева, а также оплодотворяемого яйца мирового. Но одновременно вода – плодотворяющее мужское семя, заставляющее землю «рожать». Двойкость функций, «андрогинизм» воды нередко воплощались в супружеской чете водных (морских) божеств. Несмотря на то, что в мифологиях с водой связаны мотивы рождения и плодородия, она в то же время олицетворяла опасность и являлась метафорой смерти (Аверинцев С.С., 1994. С. 240).

Среди народов Дагестана *Мать воды* представлена в мифологических системах аварцев, отдельных этнических групп даргинцев, лакцев, тюркских народов, горских евреев и дагестанских русских. У других дагестанских народов этот персонаж, насколько нам известно, отсутствует или представлен в исламизированном виде, видимо, под влиянием рано распространившегося у них ислама. В частности, у табасаранцев был известен пророк *Юнус* – хозяин воды, морей («*Юнус-пейгъамбар* – штарин, гьюлерин эйси») (Сефербеков Р.И., 2000. С. 11.).

Довольно выразительно божество воды в женской или мужской ипостаси представлено у различных этнических групп аварцев. Так, особое место в мифологических представлениях аварцев-ахвахцев занимали *ххату* – «водяные женщины». «Ими, по поверью, были буквально заполнены все большие и малые реки. Для женщин эти существа всегда оставались невидимы. Зрелые мужчины могли увидеть их во сне и то в редких случаях. Чаще всего они являлись во сне, когда мужчине случалось заснуть у реки. Являлись они в образе стройных красавиц с распущенными волосами и обнаженной грудью и в просвечивающихся длинных и тонких платьях. Если мужчина соблазнился во сне одной из них, то впоследствии от него жена уже детей не рожала, а чаще всего он вообще терял «мужскую силу». Очень часто, по народным поверьям, после такого сна мужчина совершенно терял голову, тосковал по привидевшейся красавице, проводил все свое время на берегу реки, забросив дом и семью, и вскоре либо умирал, либо сходил с ума» (Лугуев С.А., 1985. С. 107 – 108).

У аварцев-ботлихцев были распространены былички о встречах людей с водяным *Лъенилгисуб* (досл. «тот, кто в воде») (Алимова Б.М., Магомедов Д.М., 1993. С. 156, 174). По словам информаторов, «это злой дух. Представления о нем связываются с водной стихией. Он рисуется в виде уродливого мужчины. Когда ссорились два человека, говорили: «*Лъенилгисуб* гьагъибе!» («Чтоб ты увидел того, кто в воде!»). Было поверье о том, что человек обычно видел в воде не самого

Лъенилъисуб, а его отражение, и что тот, кто его увидит, якобы распухал и обязательно умирал. Говорили, что обычно распухали глаза, губы, рот. Поэтому не полагалось смотреть на воду. То же самое могло случиться и со скотом» (Алимова Б.М., Магомедов Д.М., 1993. С. 179).

Вера в водяного *Лъенилъисуб гъаабе* (Алимова Б.М., Лугуев С.А., 1997. С. 162) бытовала и у аварцев-годоберинцев. В соответствии с их воззрениями, водяной якобы «являлся в ночное время в образе мужчины и утаскивал людей за собой в воду. Именно с этим персонажем связаны бытующие в народе запреты ходить к реке в сумерках и ночью (купаться, брать воду, стирать и проч.)» (Алимова Б.М., Лугуев, 1997. С. 167).

У аварцев-андалальцев с. Бацада существовало представление о *ХурулгИнзаби*. По поверью, в них превращались утонувшие, тела которых бесследно унесла река. Когда подходили к реке, было принято здороваться: «Ассаламу гАлейкум, *ХурулгИнзаби!*» (Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. С. 109.)

Аварцы-хунзахцы считали, что праведники (с. Харахи) и безгрешные несовершеннолетние дети (сс. Цада, Гонох) после смерти попадают в рай и превращаются в *ХурулгИнзаби*. С ними вступают в брак на том свете не успевшие вступить в брак при жизни умершие юноши и девушки (сс. Обода, Цада, Гонох, Харахи). В с. Харахи, когда тонул парень и тела не находили, считали, что его забрали к себе *речные ангелы* – *гурул ХурулгИнзаби* (Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М., 2006. С. 111 – 112). Некоторые приговоры и приветствия хунзахцев с. Харахи иллюстрируют их религиозное мировоззрение и миропонимание. Так, подходя к роднику, женщины приговаривали:

<i>Ассаламу гАлейкум,</i>	<i>Мир вам, Водные ангелы!</i>
<i>Лъелмалаикзаби!</i>	<i>Пусть (эта вода) будет лекарством от бо-</i>
<i>Унтуе дарульаги,</i>	<i>лезни,</i>
<i>Диналъе къуват къеги,</i>	<i>Пусть придаст силу вере,</i>
<i>Къадаралде цун ратаги,</i>	<i>Пусть исполнится то, что предназначено</i>
<i>РухI иманалда бахъаги!</i>	<i>судьбой,</i>
	<i>Пусть душа достигнет веры!</i>

Подходя к реке, женщины приветствовали: «Ассаламу гАлейкум, *Гурулмалаикзаби!*» («Мир вам, *Речные ангелы!*»). Мужчины подходя к реке, приветствовали следующим образом: «Ассаламу гАлейкум, *ГурулХурулгИнзаби!*» («Мир вам, *Речные ангелы!*»). Мужчинам вечером не рекомендовалось находиться вблизи реки, ибо существовало представление, что русалки – *ччугузул ясал (рыбы-девы)* могут схватить их, затащить в воду и утопить. Аналогичные мифологические персонажи имелись в верованиях аварцев-генухцев. По их представлениям, реку населяли злые «женщины воды» типа русалок, увлекающие юношей и девушек на дно (Ризаханова М.Ш., 1990. Л. 192).

Аварцы-андалальцы с. Шуланиб *Матерью вод (Лъадал эбел)* называли волосатика, обитающего в стоячих водах (Халидова М.Р., 2004. С. 20).

В мифологических представлениях даргинцев-харбукцев имелся персонаж *Урхъа хъунул Марем (Женщина моря Марем)*. Она была богиней воды, дождя и моря. У нее был сын *Марка (Дождь)* и внук *Марка дархIа (Сын Дождя)* (Юсупов Х.А., Муталимов М.А., 1997. С. 228).

«Божеством воды лакцы считали *бярав Изажа* – дословно – «княжна на озере» и *хъхьирил Мисиду* – «морская Мисиду». *Бярав Изажа* выступает в образе женщины с длинными волосами, может напасть на молодых людей и унести их к себе в воду. Она привлекает взрослых мужчин своей дьявольской красотой и чарующим голосом. *Хъхьирил Мисиду* – молодая женщина дивной красоты с длин-

ными зелеными волосами. Она любит щекотать купающихся мужчин и таким образом умерщвляет их. А некоторых мужчин она оставляет в покое. Только покажется им и скроется в воду» (Халилов Х.М., 1984. С. 79–80). Довольно хорошо и полно этот архаический мифологический образ сохранился в религиозных представлениях тюркских народов Дагестана. В частности, у кумыков описание этого персонажа дается С.Ш. Гаджиевой: «Буквальный перевод слова *Суванасы* – «Мать воды». В системе языческих верований кумыков она занимала примерно такое же место, как русалка (Токарев С.А., 1957. С. 87–95). В представлении народа *Суванасы* имела образ женщины огромного роста и большой физической силы. Она обитала в реках. *Суванасы* охраняла воду, но люди могли столкнуться с ней только вечером или ночью. В темноте она могла внезапно оглушить ударом того, кто неосторожно подходил к воде, и даже утопить. Поэтому тот, кто направлялся в вечерние или ночные часы к реке по воду, должен был ласковыми словами задобрить *Суванасы*, упросить ее не причинять вреда и позволить набрать воды. В обращении к ней, в частности, говорилось:

<i>Суванасы, Суванасы,</i>	<i>Мать воды, Мать воды,</i>
<i>Дуньяны алтын багъанасы,</i>	<i>Ты золотой столб вселенной,</i>
<i>Къой сув алмагъа бизин.</i>	<i>Разреши нам набрать воды.</i>

Нам думается, что эти строчки из когда-то большой песни, обращенной к *Суванасы*. Вера в *Суванасы* была очень сильна. Жители с. Башлыкент Каякентского района рассказывали случай, который имел место в конце XIX в. или в первые годы XX в. По их рассказу, один из сельчан, Магомед, как-то вечером шел около речки и увидел *Суванасы*. Она была очень высокого роста, брала из речки огромного размера камни и кидала их в сторону. Рядом с ней был ее ребенок. Увидев это зрелище, Магомед убежал в селение и от испуга заболел. Односельчане утром следующего дня решили осмотреть это место и якобы обнаружили отпечатки огромных ног, а рядом следы ребенка.

У кумыков до недавнего времени была распространена детская игра, которая называлась «*суванасы*». Сущность игры заключалась в том, что один из играющих становился в середине реки. Он назывался «*суванасы*». К нему со всех сторон подбегали другие ребята. Задача «*суванасы*» состояла в том, чтобы, не выходя из воды, поймать кого-нибудь из детей и «утопить». «Утопленный» тут же превращался в «*суванасы*» и в свою очередь заманивал других» (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 324–325; 2005. С. 405–406).

«Из сюжета игры и функций *Сув-анасы*, видно, что в ней отражены рудименты представлений о божестве, о хозяйке вод, видимо, охраняющей свои «владения», топящей тех, кто в них попадает; возможно также, что *Сув-анасы* завлекала людей в воду и затем уводила в свой подводный мир – наподобие русалок из русского фольклора» (Аджиев А.М., Кадыраджиев К.С., 1988. С. 80).

Оригинальную и ценную информацию об этом мифологическом персонаже дает и С.А. Лугуев. Он описывает ее следующим образом: «Это была женщина полуголая, огромного роста, небывалой физической силы. От бедер до щиколоток тело ее скрывали штаны, остальная часть тела была покрыта длинными, густыми, черными волосами, свисающими с головы. Лицо ее напоминало рыбью морду, с вытянутыми вперед толстыми губами и широким плоским носом, глаза были круглыми и выпученными. Женщины, особенно молодые, очень боялись ее: *Суванасы* олицетворяла собой бесплодие. Раз в жизни она сходилась с морским чудовищем, рожала от него ребенка, всегда дочь, которую растила и воспитывала себе на замену» (Лугуев С.А., 2005. С. 124–125).

На последнее обстоятельство обращала внимание и С.Ш. Гаджиева. Она отметила, что этот образ, олицетворявший собой бесплодие, однако имел потомство

(Гаджиева С.Ш., 1989. С. 76).

В фольклорных текстах, записанных И.А. Халипаевой в основном у южных кумыков, *Суванасы* – «женщина с ослепительно сверкающим телом, закутанная длинными зелеными (красными) волосами; повстречавшись в лесу с охотником или крестьянином, заманивает его в лес, закидывает волосы назад, и ослепляет своим телом, отчего человек теряет рассудок. Она преподносит ему свой дар (бусы, волос, ногти, кольцо и др., которые, обладая магической силой, приносят удачу охотнику). Но получивший дар должен неукоснительно соблюдать ряд табу: не говорить о ней никому, надежно спрятать ее дар и не передавать его кому-либо и т.д. Нарушение табу часто ведет к гибели охотника» (Халипаева И.А., 1994. С. 76).

В предании, записанном в с. Башлыкент, рассказывается о том, как у одного охотника потерялась пара буйволов. «Сел он на коня и отправился разыскивать их к реке Гамри-озень. Вдруг он услышал плеск воды и увидел купающихся при лунном свете женщин. Повернул он своего коня в чащу леса, а дорога перед ним освещается какими-то искорками. Человек догадался, что заехал в пристанище каких-то духов и захотел скорее выбраться из чащи. Но в это время перед ним появилась женщина ослепительной красоты, с зелеными волосами. И стала она их бережно расчесывать. Сам не зная как, он очутился рядом с ней и сильно смутился при виде обнаженной женщины. Он не был женат, но имел невесту. *Сув-анасы* стала предлагать себя, окутала его своими волосами. В ее объятиях он оказался мокрым, не мог вырваться, поскольку она была скользкая. Человек понял, что если он откажется от женщины, она может его утопить или задушить, и поэтому пошел на хитрость. Загадочная женщина подарила ему зеленое колечко и предупредила, чтобы его никто не видел. А человек вернулся домой и подарил колечко своей невесте, думая: «Где меня найдет *Сув-анасы*, я больше не пойду на Гамри».

Не прошло и трех дней, как пошли обильные дожди и река в Башлыкенте разлилась. В это время он находился на той стороне реки и хотел было переплыть, но вода его скрутила и понесла. Он успел только очертить круг в воздухе указательным пальцем. Видимо, хотел сказать, что причина его смерти – кольцо» (Халипаева И.А., 1984. С. 162–163; 1994. С. 76–77).

Необходимо отметить, что символика кольца в мифологиях народов мира многогранна: оно наделялось большой охранительной силой и рассматривалось как символ вечности, единства, цельности, защиты, власти, могущества и полномочий, символический знак союза и любви (Вовк О.В., 2005. С. 336).

Вера в *Мать воды* бытовала и у ногайцев. По их представлениям, «*Сув анасы* вечером выходит из воды в облике красивой девушки и старается заманить юношей в свое царство. Поэтому, каким бы сильным молодой человек ни был, он один вечером не должен ходить на реку купаться» (Керейтов Р.Х., 1980. С. 126). Вода, по представлениям ногайцев, имела и своего хозяина – *Сув иеси*. Он был царем подводного мира. *Сув иеси* обитал в больших морях, где имел свои подводные жилища и дворцы, множество подчиненных себе водяных духов, живших в реках и водоемах. Духи вылавливали утопленников и доставляли их своему хозяину (Алейников М.Н., 1893. С. 10). Не разрешали ночью выходить из дома за водой. Если все же возникала такая необходимость, прежде чем набрать воды из колодца, обращались к *Сув иеси* со словами: «К нам домой пришел аджи (мусульманин, совершивший паломничество в Мекку) в белой чалме, для него хочу набрать воды для омовения. Вода твоя – дорога моя. Во имя Аллаха, Аллах один».

Считалось, что *Сув иеси* может выходить из воды и вступать в единоборство с людьми (Гимбатова М.Б., 2005. С. 162). По поверьям, хозяин воды чаще заговаривает с пришедшими за водой понравившимися ему женщинами и старается увести их в свое царство. Это якобы случается ночью. Поэтому ночью или в сумерках старались не ходить за водой.

Существовало мнение, что *Сув иеси* особенно любит молодых людей, а поэтому в реках чаще тонут молодые люди (*Керейтов Р.Х.*, 1980. С. 126).

Представления об антропоморфных мифологических персонажах, связанных с водной стихией, были свойственны и другим тюркским народам России, например, татарам.

У татар *Су анасы* (*Мать воды*) – разновидность духов *су иясе* – представлялась в человеческом облике. У *Су анасы* есть муж – *су бабасы* («водяной дед») и дети. Людям *Су анасы* показывается на берегу реки, расчесывая, подобно *албасты*, волосы гребнем. Считалось, что *Су анасы* может наслать засуху, болезнь, утопить человека. У тобольских татар *Су анасы* считалась главой злых духов, затаскивающих людей в воду. Представляли ее в образе старухи с длинными седыми распущенными волосами. Обычными атрибутами ее считались золотые ведра или золотая гребенка (*Басилов В.Н.*, 1998. С. 514).

С водной стихией связан и другой мифологический персонаж ногайцев – дракон (*аздаа*). «По народным представлениям, *аздаа* – это огромный трех- или семиглавый огнедышащий дракон, очень длинный. Любит перекрывать источники воды – реки, озера, колодцы, требуя взамен человеческих жертв, обычно молодых восемнадцатилетних девушек. Когда же ему приводили жертву, то он спускался с ней под воду, чтобы съесть, а народ в это время запасался водой. *Аздаа* мог летать, создавая при этом страшный ветер и шум. По другим представлениям, *аздаа* антропоморфен, имеет несколько голов, часто змеиных. Их отличают также огромные размеры (длина одних только усов 3–4 метра)» (*Ярлыкярпов А.А.*, 1999. Л. 67-68).

О драконе, который воплощался у ногайцев в образе водяного змея, сообщал и Н.Ф. Дубровин. Он писал: «Кара-ногайцы верят в существование огромного водяного змея, который, если выпрямится, головою касается туч, а хвостом остается в воде. Подымаясь, он страшно шумит, трещит и при падении рассыпает бесчисленные искры. Родится этот змей от лани, живет в реке или море и существует до тех пор, пока лань не произведет на свет другое такое же чудовище, что случается обыкновенно через сто лет. Если кто-нибудь осмелится близко подойти к жилищу змея, то он хватает и уносит с собою в пучину, и тогда никто не в состоянии оказать несчастному помощи» (*Дубровин Н.Ф.*, 1871. С. 275).

Мифологический персонаж *Мать воды* был распространен и у горских евреев Дагестана. Вот как его описывал известный этнограф И.Ш. Анисимов. *Сер-ови* («*сер*» – глава и «*ови*» – вода) или, как ее иначе называют, *Дедей-ол* (или «*ов*» – вода, т.е. *Мать воды*) «имеет образ воздушной девы, белой как снег. В лунную ночь она сидит над фонтаном и охраняет воды, чтобы люди не бросали в них нечистоты. Иногда же *Сер-ови* манит молодых людей к себе и топит их в воде, а стариков не трогает. Но *Сер-ови*, по поверью народа, ужасно боится булата и убегает при виде его. Поэтому, когда идут ночью за водой, то берут какую-либо стальную вещь, которой все время размахивают в воздухе и над фонтаном. Ввиду этого большинство мужчин и женщин носят на большом пальце булатные кольца. В темную ночь *Сер-ови* преобразовывается и расстилается над водой в виде черного тумана» (*Анисимов И.Ш.*, 2002. С. 58–59).

Касаясь верований дагестанских русских, следует особо отметить сформировавшийся, вероятно, не без тюркского влияния, мифологический персонаж *Лобасту* (скорее всего от *Албасты* – злой демон, связанный с водной стихией у тюркских народов) (*Басилов В.Н.*, 1994. С. 58). Вот как описал *Лобасту* Т. Рогожин: «Это нагая женщина, большого роста, весьма полная и обрюзгшая до безобразия и отвращения, с громадными, приблизительно в аршин, отвислыми грудями, закинутыми иногда чрез плечи на спину, и с косами, достигающими до земли; в общем наружный вид ее крайне и невыносимо безобразный, отталкивающий и наводящий страх. Она живет в больших болотах, озерах и омутax. Своим видом она

наводит страх на людей, и кроме того, часто захватывает людей, проходящих мимо ее жилища, затаскивает в болото и щекочет сосками своих груди, щекочет иногда до смерти» (Рогожин Т., 1893. С. 63).

Являясь составной частью великорусского народа, дагестанские русские сохранили в своих мифологических представлениях образы водяного и русалок. В соответствии с их воззрениями, водяной представлялся в образе человека, обросшего травой или мхом, с длинной зеленой бородой. Любимыми местами его обитания были глубокие омуты, куда он мог унести человека и превратить в своего слугу, а женщину – в очередную жену. Водяной мог вызвать бурю, затопить лодки. Чтобы умилостивить его, приносили жертвы – бросали в реку, озеро, болото рыбу – его обычную еду.

Русалки – полудевы, полурыбы – отличались своей красотой и вечной молодостью. Иногда они выходили на берег и поселялись на дереве. Русалки завлекали людей, особенно мужчин, в воду и умерщвляли. Иногда русалка влюблялась в мужчину, завлекала чарами в воду, что также приводило к гибели последнего (Ризаханова М.Ш., 2001. С. 161–162).

Таким образом, анализ дошедших до нашего времени мифов, быличек, детских игр, лексики и фразеологии позволяет сделать вывод, что связанные с водной стихией мифологические персонажи народов Дагестана представлялись в аморфной (водные и речные ангелы у андалальцев и хунзахцев, черный туман у горских евреев), зооморфной или с отдельными зооморфными чертами (волосатик у андалальцев с. Шуланиб, рыбы-девы у хунзахцев, *Сув анасы* с рыбьей мордой у кумыков, дракон *аздаа* у ногайцев, *русалки* у дагестанских русских) и антропоморфной (подавляющее большинство персонажей) ипостасях. Большая часть последних выступала в женском (девушки, женщины) облике (у ахвахцев, генухцев, хунзахцев, харбукцев, лакцев, кумыков, ногайцев, горских евреев, дагестанских русских) и меньшая (у ботлихцев, годоберинцев, кумыков, ногайцев, дагестанских русских) – в мужском. Некоторые из представленных персонажей (*пророк Юнус* у табасаранцев, *водные и речные ангелы* у андалальцев и хунзахцев, богиня воды «женщина моря *Марем*» у харбукцев, божества воды «княжна на озере» и «морская *Мисиду*» у лакцев, «золотой столб вселенной» *Суванасы* у кумыков) имеют божественную природу, большинство же (*водяной* у ботлихцев, годоберинцев, ногайцев, дагестанских русских, «женщины воды» у генухцев, «княжна на озере» и «морская *Мисиду*» у лакцев, *Суванасы* у кумыков и ногайцев, дракон у ногайцев, *Дедей-ол* у горских евреев, *Лобаста* и *русалки* у дагестанских русских) – демоническую характеристику и сближаются с персонажами низшей мифологии. Демонизм выражался в основном в злокозненных по отношению к человеку действиях: у годоберинцев *водяной* в ночное время утаскивал людей к себе в воду; у хунзахцев *рыбы-девы* в вечернее время могли схватить мужчину, затащить в воду и утопить; у лакцев «княжна на озере» может напасть на молодых людей и унести их к себе в воду, а «морская *Мисиду*» любит щекотать купающихся мужчин и таким образом доводит их до смерти, что сближает ее образ с *русалками* у русских; у кумыков *Суванасы* могла в темноте внезапно оглушить ударом того, кто неосторожно подходил к реке, и даже утопить; молодые женщины боялись ее, так как она олицетворяла собой бесплодие; повстречавшись в лесу с охотником или крестьянином, *Суванасы* ослепляет своим телом, отчего человек теряет рассудок; у ногайцев *Сув анасы* вечером старается заманить юношей в свое подводное царство, а *Сув иеси* ночью старается увести понравившихся ему молодых женщин к себе под воду; дракон *аздаа* перекрывает источники воды, требуя взамен человеческие жертвы, обычно молодых девушек; у горских евреев *Дедей-ол* ночью манит молодых людей к себе и топит их, а стариков не трогает; у дагестанских русских *Лобаста* своим безобразным видом наводит страх на людей, хватает проходящих

мимо ее жилища, затаскивает к себе в болото и щекочет сосками груди, доводя до смерти; *водяной* мог унести человека к себе в глубокий омут, а *русалки* завлекали своими чарами мужчин в воду и умерщвляли их.

Обращает на себя внимание то, что основное время действия мифологических персонажей – вечернее и ночное время суток. Отсюда объясняется и повсеместный запрет находиться вблизи водных источников или ходить по воде в вечернее и ночное время суток (время разгула нечистой силы).

Необычность (потусторонность) связанных с водной стихией мифологических персонажей можно выразить, используя бинарные оппозиции: у ахваццев *ххату* – «*водяные женщины*» невидимы (невидимость-видимость) для женщин («Мифологические символы смерти вообще связываются с невидимостью, причем живые слепы относительно мертвых, а мертвые – относительно живых») (Иванов В.В., 1994. С. 306), а мужчины могли увидеть их во сне (сон-явь). Мужчина, соблазненный ими во сне, становился бесплодным (бесплодие-плодородие), терял «мужскую силу» (импотенция-потенция); у ботлихцев *водяной* представлялся в виде уродливого мужчины (уродство-красота): любые физические аномалии – признак потусторонности, человек видел в воде не самого водяного, а его отражение (отражение-прототип), а тот, кто его увидит, распухал (болезнь-здоровье) и умирал (смерть-жизнь).

Локусом обитания мифологических персонажей в большинстве случаев является река – «важнейший мифологический символ, элемент сакральной топографии», «она рубеж между этим и тем, нижним миром, между своим пространством и чужим» (пограничная функция реки), имеющей и такие символические значения, как «препятствие, опасность, потоп, наводнение; ужас, вход в подземное царство» (Топоров В.Н., 1994. С. 374, 376).

Двоякость большинства мифологических образов, их функций и характеристик (божественное-демоническое, женское-мужское, бесплодие-плодородие, рождение-смерть) с явным преобладанием негативного кроется, на наш взгляд, в самой двоякости функций и аспектов мифологемы воды, а также в позднейшей переоценке роли (в основном женских) божеств с приданием им негативных демонических характеристик.

Несмотря на морфологическое многообразие (аморфные, зоо- и антропоморфные) мифологических персонажей, подавляющее большинство из них являются женскими: у ахваццев – «*водяные женщины*» *ххату*, у генухцев – *женщины воды*, у андалальцев с. Шуланиб – *Мать вод (Лъадал эбел)*, у хунзахцев – *рыбы-девы (ччугузул ясал)*, у харбукцев – *женщина моря Марем*, у лакцев – *княжна на озере и морская Мисиду*, у кумыков и ногайцев – *Мать воды (Суванасы)*, у горских евреев – *Мать воды (Дедей-ол)*, у дагестанских русских – *Лобаста и русалки*.

Все они, на наши взгляд, являются ипостасями и восходят к одному архаичному и амбивалентному образу – *Богини-матери (Рабинович Е.Г., 1998. С. 660)*, основная функция которой – созидательная (аспекты: участвует в творении мира и в создании населяющих вселенную существ; покровительствует плодородию почвы, скота, людей, сексуальной активности и т.д.). Амбивалентность ее функций вызвана двойственностью архаических воззрений на природу, которая представлялась одновременно и частью устроенного богами космоса, и хаосом, окружающим упорядоченную и сакрализованную общину, созидательница которого *Богиня-мать* тем самым и дружелюбна, и враждебна социальному (культурному, космическому) началу (Рабинович Е.Г., 1998. С. 660).

Среди описанных нами мифологических персонажей обращают на себя внимание *женщина моря Марем* у харбукцев и *морская Мисиду* у лакцев. Примечательно наличие в мифологиях этих этносов персонажей, связанных с морем, если учитывать, что харбукцы и лакцы населяют внутренний, Нагорный Дагестан, на-

ходящийся на значительном расстоянии от моря.

Обращает на себя внимание и то, что в приводимых И.А. Халипаевой фольклорных текстах, касающихся *Суванасы*, этот образ, связанный с водной стихией, контаминирован с божеством леса и охоты.

В некоторых мифологических персонажах прямо (у табасаранцев) или косвенно (у хунзахцев, ногойцев) чувствуется влияние ислама.

Присутствовал этот персонаж в мифологиях и других родственных по происхождению и языку северокавказских народов, в частности, у вайнахов и абхазо-адыгов.

Не обошел его вниманием и известный ученый-кавказовед, знаток духовной культуры вайнахов Б.К. Далгат. Он писал: «В журчащих горных ручейках обитает *Химехки-нана*, т.е. *Мать вод* (в ед. ч. *Хи-нана* – *Мать воды*; *хи* – вода, *нана* – мать)... Это водяной дух, *Хи-нана* сочувствует людям и предупреждает их о бедствиях, их ожидающих. Являясь в общество, которое должно постигнуть несчастье, она горько плачет и тоскливо поет песни, похожие на причитания над умершим» (Далгат Б.К., 2004. С. 86–87).

Культ *Хинаны* (*Хи нана*) – богини воды, «матери рек наших» (Зязиков М.М., 2004. С. 56) наиболее зримо проявлялся в послесвадебных обрядах и, в частности, в обряде вывода невестки к роднику. Вот как его описал в начале 20-х годов XX века у ингушей Н. Яковлев: «Недели через две отправляется она в первый раз по воду. Ее сопровождают женщины-родственницы и ребятишки. Когда она зачерпнет воды, в колодезь или источник бросают новую иглу и яйцо – «для матери воды и природы», а женщины в это время приговаривают: «Пошли нам счастливой жизни» и т.п.» (Яковлев Н., 1925. С. 56–57).

Аналогично проводился этот обряд и у кистов Панкиси (Маргошвили Л.Ю., 1990. С. 188).

Наиболее ярко и полно этот мифологический персонаж сохранился в пантеоне адыгских народов. В частности, из нартского эпоса известен образ *Псытхъэ-Гуацэ* («псы» – вода, «тхъэ» – бог, «Гуацэ» – госпожа, княгиня), который выражался в культе и почитании моря (*Хы-Гуацэ* – «хы» – море), реки (*Псыхъо-Гуацэ* – «псыхъо» – река) и всей воды (*Кук А.*, 2003. С. 168).

Древние адыги считали, что каждая река имеет свою *Псыхо-Гуацэ*. «В представлении народа *Псыхо-Гуацэ* – это красивая женщина, которую видят расчесывающейся на берегу реки или моря в полуденный зной...

Псыхо-Гуацэ способна полюбить простого смертного, вступить с ним в брачный союз и всегда быть верной и любящей женой, способной приносить ему счастье и радость» (Кук А., 2003. С. 170).

Более полную характеристику этого персонажа дает Х.А. Хабекирова. Она пишет: «Другой женский образ мифологии адыгов – *Псыхъуэ-гуацэ*, или *Псыгуацэ* (*Псыхо-гуаше*) – «хозяйка рек». В древних верованиях адыгов *Псыхо* – богиня, хозяйка рек и водных источников. У нее в отсутствие дождя адыги просили воды, влаги, выполняя соответствующие обряды. Чтобы она не насылала наводнения, каждый год весной ей делали приношение съестным, которое кидали в воду или оставляли на берегу. Первоначальный образ *Псыхо-гуаше* – хозяйки, божества рек на каком-то этапе своего развития претерпевает изменения и превращается в персонаж низшей мифологии, встречаясь в различных быличках и мифологических рассказах.

Псыхо-гуаше представлялась адыгам в облике красивой, обнаженной женщины с длинными, роскошными волосами, иногда с рыбьим хвостом. Чаще всего ее «встречали», «видели» сидящей на берегу и расчесывающей свои волосы гребнем (ее непременный атрибут). *Псыхо-гуаше* – это образ, родственник русской русалке, западно-европейской ундины. Длинные волосы, как, по всей вероятности, и обнаженность, – показатели ее связи с природными стихиями. Опосредственно ее

сила проявляется и через ее гребень. По поверьям, ни в коем случае нельзя подбирать гребень, найденный на берегу реки, ибо может оказаться, что он принадлежит хозяйке реки. Похищение гребня, даже непреднамеренное (по незнанию), грозит бедой не только тому, кто его взял, но и всем жителям села, расположенного у этой реки.

Считается, что человека, увидевшего *Психо-гуаше* (или встретившегося с ее взглядом), всего перекашивает или он заболевает, иногда со смертельным исходом. По другим представлениям, она может нанести вред только тому, кто ее испугается. Наиболее распространены в поверьях о *Психо-гуаше* сюжеты о склонении ею мужчин к любовной связи (чаще по принуждению). Отказавшиеся мужчины вроде бы заболевали и умирали» (*Хабекирова Х.А.*, 2005. С. 87–88; 2002. С. 112).

Праздник в честь «девы речных вод» (*Дадов А.А.*, 1957. С. 291) – *Псыхъуэ-Гуацэ* приурочивался к весеннему времени (*Шортанов А.Т.*, 1982. С. 164–165).

«Девой вод морских» была *Хепе-гуаши* или *Хэпэ-Гуацэ*, календарное празднество в честь которой приурочивалось к летним месяцам и связывалось с ежегодными аграрными празднествами (*Шортанов А.Т.*, 1982. С. 165).

В адыгской мифологии имелся и бог моря *Кодеш*. Существовал даже праздник в честь властелина вод – Куэрдэшахь – подношение *Кодешу* (*Кук А.*, 2003. С. 171).

В наибольшей полноте образ *Матери воды* сохранился в абхазской мифологии, где она известна как *Дзыдзлан* (*Шиллинг Е.*, 1931. С. 73); *Дзыз-лан* (А-ъ., 1871. С. 11); *Дзызлан* (*Чурсин Г.Ф.*, 1957. С. 44–48; *Бжания Ц.Н.*, 1973. С. 256); *дзызлан* (*Джанашиа Н.С.*, 1960. С. 62–63, 99); *зызлан* (*Зухба С.Л.*, 1995. С. 171).

«*Дзыз-лан* – покровительница вод. Ей молятся исключительно одни женщины, причем обращающаяся с молитвой к *Дзыз-лан* должна отличаться честной, хорошей жизнью. Чаще всего молятся этой богине женщины, только что вышедшие замуж, и женщины родившие, так как ни в том, ни в другом случае они, до совершения моления *Дзыз-лан*, не могут идти даже за водой, опасаясь нападения речных наяд. В жертву *Дзыз-лан* приносится курица и пшеничный пирог с сыром, которые должны быть приготовлены нуждающейся в покровительстве богини. Съедаются эти жертвы только одними женщинами, и всякий мужчина, какого бы возраста он ни был, если, хотя случайно, подсмотрит моление *Дзыз-лан*, немедленно наказывался болезнью» (А-ъ, 1871. С. 11).

«Местом пребывания «матери воды» считается большое, чистое, неприступное пресное озеро; она может жить также в чистом источнике, которого не касается ничто нечистое, например, свинья и т.п. «Мать воды» выходит иногда из своего жилища на берег, и в это время ее всем можно видеть... Она – красивейшая обворожительная женщина; локоны у нее бесподобные, каштановые, глаза смеющиеся» (*Джанашвили М.*, 1892. С. 40).

Более подробную информацию о ней приводит Н.С. Джанашиа: «Абхазам *дзызлан* – «мать воды», *ахьы захкуажэ* – «золотая владычица воды» представляется в образе прекрасной девы. Живет она в чертогах в глубине вод. Прекрасные золотые кудри ее доходят до ступней, причем пятки у нее – спереди, а ступни сзади: вот почему ее невозможно повалить на спину. Владычица воды имеет зеркало, в котором отражается все, что происходит на свете: у нее поэтому вся вселенная как на ладони.

Суеверные люди боялись гнева *дзызлан*. Это божество, которое наводило страх, поэтому необходимо было умиловать его. Согласно верованиям, *дзызлан*, разгневавшись, вселялась в людей, особенно в женщин, и сводила их с ума. Изгонять *дзызлан* приходилось с помощью муллы, знахаря или же с помощью человека, имевшего особую власть над ней. Таковым считался мужчина, которому уже приходилось встречаться с ней, вступать в единоборство, одержать победу над ней и который обладал пучком ее волос или кусочком ногтя. Изгоняли *дзыз-*

лан не просьбами и молением, а осыпая ее бранью, приказывая и устрашая. Исцелитель властно приказывал: «Дзызлан, выходи вон! Тебе не место там, где я присутствую! Выходи поскорее, дзызлан, и освободи мою больную!» (Джанашиа Н.С., 1960. С. 62–63).

По поверью, Дзызлан боялась только собаки и волка. Из оружия она боялась только кинжала, как оружия обоюдоострого. Револьвер и винтовка при выстреле в Дзызлан давали осечку (Чурсин Г.Ф., 1957. С. 47).

Чтобы умиловать дзызлан, заранее как предохранение устраивали специальное моление в ее честь. Оберегать от нее приходилось особенно молодых невесток. В первые же дни по выходе замуж молодым женщинам необходимо было установить добрые отношения с «владычицей воды» (Чурсин Г.Ф., 1957. С. 45).

Вообще же особые «церемонии в честь воды» (Джанашвили М., 1892. С. 40–41), а также обряды у воды с жертвоприношением Матери воды абхазы совершали «...над молодой невесткой, когда ее впервые «выводят на воду», «при болезни кого-либо», «и над роженицей, чтобы она имела обильное молоко» (Джанашвили М., 1892. С. 40–41).

Описание обряда вывода невестки к роднику у абхазов дается Н.С. Джанашиа. Он писал: «После свадьбы невесту ведут в белом платье к реке, причем «чистая» женщина, надевая серебряное кольцо на палец невесты, говорит: «Дзызлан, владычица воды, твоим именем даем ей это кольцо!» Снимать с пальца это кольцо нельзя: всю жизнь она должна носить» (Джанашиа Н.С., 1960. С. 99).

Описывает этот обряд, дополняя некоторыми интересными деталями, и Е.И. Шиллинг: «В честь владычицы вод Дзыдзлан был еще особый обряд «приводить невестку к воде»; после обеда, на котором участвовали только женщины, все они отправлялись с невестой на реку. Старшая обращалась к Дзыдзлан с молитвой, прося умиловаться над невестой, хранить ее в родах, домашних работах и т.п. При этом женщины бросают в реку яйца и смачивают водой один из принадлежащих невесте костюмов. После описанного обряда невеста может ходить по воду» (Шиллинг Е., 1931. С. 73).

Помимо Матери воды в абхазском пантеоне имелось еще и божество моря – Ага-ныха или Ага-инцаху (Джанашиа Н.С., 1960. С. 53).

Таким образом, можно констатировать, что мифологический образ Матери воды у народов Дагестана имел много сходных черт с аналогичным персонажем из пантеона вайнахов и абхазо-адыгских народов, что можно объяснить общностью экологии и происхождения, многих компонентов и сюжетов материальной и духовной культуры, а также этнокультурными взаимодействиями.

Анализ обрядов и обычаев, связанных с Матерью воды у вайнахов и абхазо-адыгов, позволяет выявить новые детали ее атрибутики (у вайнахов – игла, у адыгов – гребень, у абхазов – зеркало, кольцо) и дать более полную картину связанных с ней церемоний и ритуалов, сохранившихся у народов Дагестана в редуцированном виде или полностью утраченных. В первую очередь это касается имеющего более глубокую семантику обряда вывода невестки к роднику, составляющего «необходимую принадлежность свадебного ритуала у многих кавказских народов» (Чурсин Г.Ф., 1913. С. 139). Им завершалась свадьба, и он был направлен на адаптацию женщины из чужого семейного коллектива в пространство семьи мужа и имел результатом превращение оппозиции «свое-чужое» в оппозицию «центральное-периферийное» (Дмитриев В.А., 2004. С. 82, 88–89, 90).

Если у вайнахов и абхазо-адыгских народов обряд вывода невестки к роднику прямо и не двусмысленно был направлен на умилование Матери воды, установление с ней добрых отношений и даже патронажа над невесткой, то в аналогичном обряде (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 267–268) у народов Дагестана эта мотивировка и установка выявляется с трудом, она завуалирована или же практически

утрачена. Так, у даргинцев с. Цизгари нынешнего Дахадаевского района невестка подносила ковш воды всем участникам шествия, наполняла кувшины всех женщин, находившихся у родника, а затем высыпала горсть зерна в родник как дань божеству воды (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 268). У даргинцев-кайтагцев в кувшин невестки, в первый раз идущей к роднику, клали монеты. Приблизившись к роднику, она высыпала монеты на землю. Их тут же разбирали дети. Присутствующие у родника девушки и дети обливали друг друга водой. Одна из подруг невестки, зачерпнув рукой воду, обливала ноги молодой женщины. В некоторых селения (Адага, Дуреги) молодая, набрав воду в кувшин, бросала туда свое ожерелье из бус. Затем она выливала эту воду с пригорка вниз, где ожерелье подбирали и делили между собой дети (*Алимова Б.М.*, 1998. С. 170). Раздачей невесткой находящейся у родника сельской молодежи пирогов, сладостей, орехов, абрикосовых косточек и массовым обливанием всех присутствующих водой завершался этот обряд у даргинцев-цудахарцев (*Омаров И.И., Сефербеков Р.И.*, 1999. С. 20). У табасаранцев различных сел этот ритуал имел свои особенности. Так, в с. Вечрик одна из женщин у родника брала у невестки кувшин с водой и выливала всю воду к ее ногам с пожеланием родить семь сыновей. В с. Сертиль у родника одна из родственниц жениха брала у невестки полный кувшин и обходила с ним всех присутствующих. Каждый из них должен был сделать по глотку из этого кувшина. Затем девушка возвращала кувшин невестке, за что получала в дар колечко. В с. Кужник у родника невестка становилась в центр, а все находившиеся там набирали в пригоршни воду и обрызгивали ее (*Алимова Б.М.*, 1992. С. 154). В с. Чулат сопровождавший невестку к роднику мальчик проливал немного воды из кувшина на ее правую ногу. В сс. Арчуг, Фурдаг, Джули, Урга кувшин наполняла одна из находившихся у источника девушек, которая затем выливала воду у ног молодой женщины, обходя ее по кругу от 3 до 7 раз или до тех пор, пока вода не кончалась. Вполне вероятно, что водяные круги вокруг невестки символизировали магический круг, призванный предохранить ее от невзгод в дальнейшей семейной жизни. Возможно также, что весь этот ритуал направлен на то, чтобы умилишить обитавшую будто бы у источников и рек *Красную женщину* (*Ал, Ири шив*) – демона, нападавшего на рожениц вскоре после родов (*Алимова Б.М., Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.*, 2000. С. 28).

Аналогичные обряды бытовали и у проживающих на территории Табасарана дагестанских азербайджанцев. Так, в с. Хучни одна из подруг молодой наполняла у источника кувшинчик водой и затем выливала ее на ноги новобрачной с пожеланием иметь семерых дочерей (*Гаджиева С.Ш.*, 1999. С. 278).

При описании внешнего облика *Матери воды* в мифах и быличках народов Северного Кавказа особое внимание обращается на ее волосы: у ахваццев *ххату* («водяные женщины») являлись в образе стройных красавиц с распущенными волосами, у лакцев «княжна на озере» выступает в образе женщины в длинными волосами, а «морская Мисиду» обладает длинными зелеными волосами, у кумыков у *Суванасы* часть тела была покрыта длинными, густыми, черными волосами, свисающими с головы, у южных кумыков *Суванасы* была закутана в длинные зеленые (красные) волосы, у дагестанских русских *Лобаста* имела достигавшие до земли косы, у адыгов *Психо-гуаше* представлена в облике женщины с длинными, роскошными волосами, у абхазов *Дзызлан* – женщина с бесподобными, каштановыми волосами, прекрасные золотые кудри ее доходили до пят. Следует отметить, что в системе мифологических представлений северокавказских народов мотив чудесных волос играл существенную роль, лишение волос было элементом ритуального умерщвления, а рост волос означал новое возрождение, тождественное природе, возрождающейся пышной растительностью, из чего вытекало, что волосы и плодородие взаимообусловлены (*Черчиев А.М.*, 1988. С. 57–58).

В данном случае, на наш взгляд, обладание *Матерью воды* длинными волосами, как и их необычный цвет (зеленый – символ жизни, весны, растительности, свежести, обновления, воды и плодородия (Вовк О.В., 2005. С. 30) в некоторых случаях (у лакцев и кумыков) еще раз манифестирует созидательную функцию одной из ипостасей *Богини-матери* в таких ее аспектах, как покровительство плодородия, сексуальная активность и т.д. Не случайным является, вероятно, и то, что в качестве жертвоприношения *Матери воды* у вайнахов и абхазов невестки бросали в воду яйца – символ первоосновы, происхождения бытия, возрождения; добрый знак и символ здоровья, богатства и удачи (Вовк О.В., 2005. 134–136). Да и сама вода, как это указывалось вначале, выступала и как аналог оплодотворяемого яйца мирового (Топоров В.Н., 1994. С. 681).

Нельзя не обратить внимания и на принадлежавшие *Матери воды* женские атрибуты (у кумыков – бусы, кольцо, у вайнахов – игла, у адыгов – гребень, у абхазов – зеркало, кольцо).

Примечательны образные названия *Матери воды*: у кумыков при обращении к *Суванасы* называли ее также «золотой столб вселенной», у абхазов *Дзызлан* – «золотая владычица воды».

Тенденция превращения божества, ведавшего стихией воды, в персонаж низшей мифологии (в основном – демона болезни) наблюдается и при анализе образов *Матери воды* у абхазо-адыгов: у адыгов человек, увидевший *Психо-гуаше*, заболевает, иногда со смертельным исходом; у абхазов *дзызлан* (у которой пятки вывернуты наружу), разгневавшись, вселялась в людей и сводила их с ума.

Как и в случае с мифологическими персонажами некоторых дагестанских народов, при изучении образа абхазской *Дзызлан* чувствуется некоторое влияние ислама: она может жить только в чистом источнике, которого не касается ничто нечистое, например, свинья; изгоняли вселившуюся в людей *дзызлан* с помощью муллы.

Таким образом, анализ восходящих к архаичному образу *Богини-матери* ипостасей, характеристик, функций, предикатов и атрибутики мифологического персонажа *Мать воды* у дагестанцев, вайнахов и абхазо-адыгских народов позволил нам прийти к выводу о том, что в прошлом, вероятно, это ведавшее водной стихией божество имело более широкий круг полномочий – покровительство семье, браку, деторождению, первичной адаптации невестки в новом социуме. Как женское божество оно, возможно, покровительствовало женщине вообще.

То обстоятельство, что у вайнахов *Хи-нана* являлась в общество, которое должно было постигнуть несчастье, и предупреждала о нем, может свидетельствовать о том, что в образе *Матери воды* воплотились и отдельные функции патрона отдельного социума.

Существовал этот мифологический персонаж и в пантеоне других народов Северного Кавказа. Например, у карачаевцев и балкарцев были известны *Мать воды Сюлемен* и *бог морей Сюймасан* (Каракетов М.Д., 2001. С. 53, 54).

Касаясь осетинского пантеона, следует отметить, что в него, помимо прочих, входили следующие, связанные с водной стихией мифологические персонажи: *Донбеттыр* – владыка водного царства, *Доны чызджыта* – русалки, дочери *Донбеттыра*, *Кафтысар* (*Хуандон алдар*) – повелитель рыб, *Фагимасад* – скифский бог-покровитель морей (Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н., 2000. С. 73, 76). «Общим для всех осетин широко распространенным божеством считается *Донбеттыр* – владыка водного царства» (Калоев Б.А., 2004. С. 360).

По данным В.Ф. Миллера, собранным им в 80-х гг. XIX в. в Северной Осетии, *Донбеттыр* «живет в воде, владеет рыбою и ему молятся рыболовы. Ходит поверье, что он держит в руке цепь и топит тех, кто купается поздно. Им обыкновенно страшат детей. У *Донбеттыра* много дочерей, которые соответствуют нашим русалкам» (Миллер В.Ф., 1882. С. 249; Чурсин Г.Ф., 1925. С. 59).

«Известно, что многие выдающиеся герои осетинского нартского эпоса ведут свою родословную от *Донбеттыра*. Так, старейшие нарты *Урызмаг* и *Хамыц* считаются сыновьями-близнецами знаменитой красавицы *Дзерассы* – дочери *Донбеттыра*. *Батраз* по матери, а *Сырдон* по отцу – также дети воды» (*Абаев В.И.*, 2000. С. 5).

Культ *Донбеттыра*, считавшегося покровителем рыб, отмечался ежегодным осенним праздником. Устраивали пир, в котором участвовали одни мужчины. На пир приносили от каждого дома одну или несколько больших рыб, чаще всего осетрину, а также ячменные лепешки, араку или пиво. За трапезой старейший произносил молитву во имя *Донбеттыра*, прося его не оставлять их никогда без воды, оберегать от водной стихии, а также пожелать их рыбакам большого улова. Женщины, приходя за водой, молились дочерям *Донбеттыра*, прося их дать им чистоту, здоровую воду.

Наконец, с *Донбеттыром* и его дочерьми связан у осетин один из свадебных обрядов, по которому невестку через несколько дней после свадьбы ведут торжественно за водой к реке или роднику. Обряд этот проводится так: молодая женщина, наряженная в свадебный костюм, отправляется к реке в сопровождении девушек и нескольких молодых людей с песнями и под звуки гармошки. Сюда же несут три пирога, яичницу, араку или пиво, которые старший мужчина или старшая женщина посвящают владыке вод и его дочерям с просьбой пожелать большого счастья молодой в ее новой семье, а принесенную ею воду сделать приятным напитком. Затем невестка набирает воду и в таком же порядке вся процессия отправляется в дом ее супруга (*Калоев Б.А.*, 2004. С. 360–361).

Несмотря на то, что, по мнению Б.А. Калоева, культ *Донбеттыра* «относится к числу дохристианских аланских божеств, занесенных ираноязычными предками осетин на Кавказ» (*Калоев Б.А.*, 2004. С. 360), В.И. Абаев на основе этимологии этого имени (*Донбеттыр* образовано из двух компонентов: дон – вода и Петр – апостол) полагал, что функции древнего языческого водного божества были присвоены апостолу Петру после христианизации алан (*Абаев В.И.*, 1958. С. 368).

Таким образом, можно сделать вывод, что основные функции и характеристики связанных с водой мифологических персонажей у народов Северного Кавказа во многом совпадают, что можно объяснить общностью экологических условий, социально-экономического уклада и духовной культуры, а также этнокультурными взаимодействиями.

Хозяйки и хозяева воды имелись в мифологиях и других народов. В частности, у финно-угороязычных мордвин сохранился образ *Ведь-ава* (*Мать воды*) (*Топоров В.Н.*, 1994. С. 226), во многом совпадающий с подобными у северокавказских народов.

Мир духов водной стихии в славянской мифологии довольно богат и разнообразен: это *водяные духи*; *Тот, кто плотины рвет*; *Потерчата*; *водяной*; *русалки* (*Киреевский И.Р.*, 2006. С. 117–128); *Морской царь* (*Капица Ф.С.*, 2001. С. 92).

Водяной и русалки – наиболее излюбленные персонажи русского фольклора, мифов и быличек. Водяной, водяной дедушка, водяной шут, водяник, водовик – в славянской мифологии злой дух, воплощение стихии воды как отрицательного и опасного начала. Чаще всего выступает в облике мужчины с отдельными чертами животного. Женские духи воды – водяницы – увязываются, как и русалки, с представлениями о вредоносных покойниках – «заложных покойниках», становящихся упырями и злыми духами; на них женятся водяные (*Иванов В.В.*, *Топоров В.Н.*, 1994. С. 240).

Как подчеркивал Д.К. Зеленин, «водяной – это не персонификация воды, а хозяин царства вод, населенного главным образом рыбами» (*Зеленин Д.К.*, 1991. С. 410). Внешний облик водяного рисуется следующим образом: безобразный голый старик, косматый, одутловатый, покрыт тиной, с большой бородой и зелеными воло-

сами, гусиные лапы вместо рук, хвост, рога на голове (*Померанцева Э.В.*, 1975. С. 50).

«Водяной, водяник живет в воде, откуда он выходит редко; его любимым местом являются речные омуты, да притом близ водяных мельниц. Водяному приписывают то же значение, что и домовому, чему служит доказательством пословица: «Дедушка водяной – начальник над водой». Ему также приписывают власть над русалками... Народ олицетворяет водяного стариком, постоянно покрытым болотной травой. Водяной тоже требует к себе уважения. Месть его заключается в порче мельниц, в разгоне рыбы, а иногда, говорят, он посягает и на жизнь человека» (*Забылин М.*, 1880. С. 247). «Водяной, в противоположность домовому, отличается крайним недоброжелательством к людям и в высшей степени злобным характером. Он быстро топит всех, кто перед купаньем забывает осенить крестным знаменем, а также тех, кто не имеет на шее креста. Часто топит, наконец, водяной и тех людей, которые купаются в реке до восхода солнца, после заката и, наконец, в самый полдень» (*Балов А.В.*, 1901. С. 89).

«Под водой он обращает эту добычу в кабальных рабочих, заставляет их переливать воду, таскать и перемывать песок и т.д. ... Кровоподтеки в виде синяков на теле, раны и царапины, замечаемые на трупах вынутых из воды утопленников, служат наглядным свидетельством, что эти несчастные побывали в лапах водяного» (*Максимов С.В.*, 1996. С. 51).

«Мельники дружат с водяными, ведь иначе те могут испортить колесо или разорить запруду. Чтобы умиловить водяного, ему приносят в жертву петуха, козла или свинью – обязательного черного цвета» (Энциклопедия сверхъестественных существ, 1997. С. 100).

«Водяного стараются задобрить и рыбаки, которые пускают первую пойманную рыбу обратно в реку. Если не задобрить водяного, то он рвет у рыбаков сети, в противном же случае нагоняет им в невода множество рыбы» (*Балов А.В.*, 1901. С. 88–89).

«Поскольку водяной слыл заядлым курильщиком, ему часто дарили щепотку табака, которую кидали в водоворот или под мельничное колесо... Любопытно, что водяного рассматривали и как покровителя пчел» (*Капица Ф.С.*, 2001. С. 26).

«Русалки – бледнолицые, с зелеными распущенными волосами, живущие в реках и озерах. В русалок, по народному мнению, обращаются обыкновенно души утопленниц, а также души детей, умерших некрещеными. Русалки по ночам выходят из рек и расчесывают свои длинные зеленые волосы, с которых струится вода. Если встретится с ними человек, то они или топят его, или же защекочивают до смерти» (*Балов А.В.*, 1901. С. 89).

«По народным представлениям, обычно русалки – похотливые женщины, которые проводят время чаще всего в любовных играх с юношами и по отношению к человеку ведут себя враждебно без всякой на то причины... Русалки живут не там, где умершие предки, не на том свете, а близ людей, в лесах, в воде и в полях, т.е. очевидно, там, где они умерли или похоронены и где находятся все другие заложные покойники» (*Зеленин Д.К.*, 1991. С. 419).

«Русалки, по поверьям, наносят людям вред: пугают, гоняются, топят, убивают, замучивают щекоткой, они прельщают мужчин и ненавидят женщин, портят скотину, воруют детей» (*Померанцева Э.В.*, 1975. С. 75). Русалки спутывают у рыбаков сети, а у мельников портят жернова и плотины. Они могут насыпать на поля сокрушительные бури, проливные дожди, разрушительный град; похищают у заснувших без молитвы женщин нитки, холсты и полотна, разостланные на траве для беленья» (*Максимов С.В.*, 1996. С. 55).

Образ русалки связан как с лесом, так и с водой (*Померанцева Э.В.*, 1975. С. 69).

Считалось, что большую часть года русалки проводят на дне реки, а на земле появляются во время так называемой Русальной недели, когда их можно было увидеть вблизи рек, на цветущих полях, в рощах и, конечно же, на перекрестках

дорог и на кладбищах. Как и другая нечистая сила, русалки могли появляться только с заходом солнца до первых петухов. Чтобы уберечься от русалок, существовала своеобразная система оберегов. Считалось, в частности, что русалки не любят резко пахнущие растения: полынь, хрен и чеснок (*Катица Ф.С.*, 2001. С. 48). Полагали также, что они боятся креста, очерченного круга, железных орудий и словесных оберегов (*Померанцева Э.В.*, 1975. С. 75).

По мнению Д.К. Зеленина и С.А. Токарева, слово *русалка* не славянского, а латинского происхождения (*Зеленин Д.К.*, 1991. С. 419; *Токарев С.А.*, 1976. С. 212).

Близки к русалкам (*Иванов В.В.*, 1994. С. 390; Энциклопедия суеверий, 1995. С. 391; Энциклопедия сверхъестественных существ, 1997. С. 372–375; *Киреевский И.Р.*, 2006. С. 119–121) в мифологии восточных славян существа также женского пола – *берегини* (Энциклопедия сверхъестественных существ, 1997. С. 57).

Следует отметить, что несмотря на то, что дагестанцы (и другие северокавказцы) и восточные славяне проживают в различных экологических условиях, имеют разное происхождение и язык, социально-экономический и общественно-политический уклад, их связанные с водной стихией мифологические персонажи обнаруживают определенное сходство по внешнему облику, функциям и характеристикам.

Водяные, русалки и тому подобные персонажи имелись в мифологических системах и других народов мира.

В фольклоре народов Западной Европы водяные духи представлялись в образе *ундины*. Выходя из воды, *ундины* принимали облик прекрасных девушек; сидя на камнях, они расчесывали свои чудесные волосы и всячески соблазняли мужчин. Считалось, что *ундины* – духи молодых женщин, покончивших с собой из-за несчастной любви (Энциклопедия сверхъестественных существ, 1997. С. 437)

Речные и морские божества имелись и в пантеоне древних греков (*Гусманов И.Г.*, 2002. С. 40–46, 72). Одним из главных олимпийских богов, владыкой моря в греческой мифологии, был *Посейдон* (*Лосев А.Ф.*, 1994. С. 323–324), которому в римской мифологии соответствовал *Нептун* (*Штаерман Е.М.*, 1994. С. 211–212). Нимфами источников, ручьев и родников у греков были *наяды*, которых насчитывалось до трех тысяч. Морскими божествами, дочерьми бога *Нерея*, являлись *нереиды*, которых насчитывалось сорок пять (Энциклопедия сверхъестественных существ, 1997. С. 301, 304).

В китайском пантеоне *водяным духом* был *Шуй-шэнь* (*Попов П.С.*, 1907. С. 71).

Таким образом, можно сделать вывод, что связанные с водной стихией мифологические персонажи народов Дагестана имели свои аналоги и параллели в мифологиях народов Северного Кавказа и мира. Наиболее многочисленными и доминирующими из них являлись женские божества, часто объединенные в образе *Матери воды* – одной из ипостасей *Богини-матери*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И., 2000. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах / Пер. с осет. Ю. Либединского. Владикавказ.

Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х томах. М.; Л., Т. 1.

Аверинцев С.С., 1994. Вода // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х томах / Гл. ред С.А. Токарев. 2-е изд. М.: Российская энциклопедия. Т.1.

Аджиев А.М., Кадыраджиев К.С., 1988. Опыт реконструкции мифологических представлений и верований кумыков // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала.

Алейников М.Н., 1893. Поверья ногайцев // СМОМПК. Тифлис. Вып. 17.

- Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004.* К характеристике некоторых мифологических персонажей аварцев-андалалцев // Вестник Дагестанского научно-го центра. Махачкала. № 19.
- Алимова Б.М., 1992.* Табасаранцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Алимова Б.М., 1998.* Кайтаги. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Алимова Б.М., Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И., 2000.* Из истории духовной культуры табасаранцев (традиционные верования, обычаи и обряды). Махачкала.
- Алимова Б.М., Магомедов Д.М., 1993.* Ботлихцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Анисимов И.Ш., 2002.* Кавказские еврей-горцы / Под ред. С.И. Вайнштейна. М.
- А-ъ., 1871.* Религиозные верования абхазцев // ССКГ. Тифлис. Вып. 5.
- Балов А.В., 1901.* Очерки Пошехонья // ЭО. № 4.
- Басилов В.Н., 1994.* Албасты // Мифы народов мира. Т. 1.
- Басилов В.Н., 1998.* Су анасы // Мифология: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. 4-е изд. М.
- Бжания Ц.Н., 1973.* Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). Сухуми.
- Вовк О.В., 2005.* Знаки и символы в истории цивилизаций. М.
- Гаджиева С.Ш., 1961.* Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.
- Гаджиева С.Ш., 1985.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.
- Гаджиева С.Ш., 1989.* Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш., 1999.* Дагестанские азербайджанцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.
- Гаджиева С.Ш., 2005.* Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. В 2-х книгах. Кн. 2. Махачкала.
- Гимбатова М.Б., 2005.* Духовная культура ногайцев в XIX – нач. XX в. Махачкала.
- Гусманов И.Г. 2002.* Греческая мифология. Боги: Учебное пособие. 3-е изд. М.
- Дадов А.А., 1957.* К вопросу религиозных верований кабардинцев // Учен. зап. Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, Т. 12.
- Далгат Б.К., 2004.* Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.
- Джанашиа Н.С., 1960.* Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми.
- Джанашвили М., 1892.* Абхазия и абхазцы. Тифлис.
- Дмитриев В.А., 2004.* Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.
- Дубровин Н.Ф., 1871.* История войн и владычества русских на Кавказе. В 6-ти томах. СПб. Т. 1. Кн. 1.
- Забылин М., 1880.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.
- Зеленин Д.К., 1991.* Восточно-славянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивинной. М.
- Зухба С.Л., 1995.* Типология абхазской несказочной прозы. Майкоп.
- Зязиков М.М., 2004.* Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону.
- Иванов В.В., 1994 а.* Глаз // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Иванов В.В., 1994 б.* Русалки // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1994.* Водяной // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Калоев Б.А., 2004.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. 3-е изд., доп. и перераб. М.

- Катица Ф.С.*, 2001. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М.
- Каракетов М.Д.*, 2001. Антропология в религиозно-мифологическом мировоззрении карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М.
- Керейтов Р.Х.*, 1980. Мифологические персонажи традиционных верований ногойцев // СЭ. № 2.
- Киреевский И.Р.*, 2006. Мифы древних славян: Боги, духи, растения, животные. Харьков.
- Кук А.*, 2003. Основные мифологические образы адыгского эпоса «Нартхэр» // Адыгский эпос «Нартхэр» – сокровищница мировой культуры. Майкоп.
- Купер Дж.*, 1995. Энциклопедия символов. М.
- Лугуев С.А.*, 1985. Ахвахцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп. 3. Д. 618.
- Лугуев С.А.*, 2005. Духовная культура кумыков Дагестана XIX – нач. XX в. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 955.
- Лосев А.Ф.*, 1994. Посейдон // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Максимов С.В.*, 1996. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.
- Маргошвили Л. Ю.*, 1990. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX – начале XX века (Кисты Панкиси). Тбилиси.
- Миллер В.Ф.*, 1882. Осетинские этюды. В 2-х частях. М. Ч. 2.
- Омаров И.И., Сефербеков Р.И.*, 1999. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев селения Куппа. Махачкала.
- Померанцева Э.В.*, 1975. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.
- Попов П.С.*, 1907. Китайский пантеон // Сборник музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб. Т. 6.
- Рабинович Е.Г.*, 1994. Богиня-мать // Мифология: Большой энциклопедический словарь.
- Рогожин Т.*, 1893. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленной Кизлярского отдела Терской области // СМОМПК. Тифлис. Вып. 16.
- Ризаханова М.Ш.*, 1990. Генухцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 732.
- Ризаханова М.Ш.*, 2001. Дагестанские русские: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала.
- Сефербеков Р.И.*, 2000. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала.
- Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М.*, 2006. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала.
- Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н.*, 2000. Религиозные воззрения осетин (история религии в истории народа): Хрестоматия для учителей и учащихся, преподавателей и студентов средних и высших учебных заведений РСО – Алания. Владикавказ.
- Токарев С.А.*, 1957. Религиозные верования восточно-славянских народов XIX – нач. XX в. М.
- Токарев С.А.*, 1976. Религия в истории народов мира. Изд. 3-е испр. и доп. М.
- Топоров В.Н.*, 1994 а. Река // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Топоров В.Н.*, 1994 б. Яйцо мировое // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Топоров В.Н.*, 1994 в. Ведь-ава // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Хабекирова Х.А.*, 2002. Традиционные представления адыгов о некоторых мифологических существах // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб.

- Хабекирова Х.А.*, 2005. Природа и характер некоторых мифологических персонажей в эпосе и бытовой культуре черкесов // ЭО. № 5. М.
- Халидова М.Р.*, 2004. Устное народное творчество аварцев / Под ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала.
- Халилов Х.М.*, 1984. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана: Фольклорные тексты. Махачкала.
- Халипаева И.А.*, 1984. Сув-анасы – Мать воды // Мифология народов Дагестана: Фольклорные тексты. Махачкала; Она же. Мифологическая проза кумыков. Махачкала.
- Халипаева И.А.*, 1994. Мифологическая проза кумыков: Исследование и тексты. Махачкала.
- Черчиев А.М.*, 1988. О мотиве чудесных волос в дагестанской мифологии // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала.
- Чурсин Г.Ф.*, 1913. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.
- Чурсин Г.Ф.*, 1925. Осетины: Этнографический очерк. Тифлис.
- Чурсин Г.Ф.*, 1957. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.
- Шиллинг Е.*, 1931. Абхазы // Религиозные верования народов СССР: Сборник этнографических материалов. В 2-х томах. М.; Л. Т. 2.
- Шортанов А.Т.*, 1982. Адыгская мифология. Нальчик.
- Штаерман Е.М.*, 1994. Нептун // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Энциклопедия сверхъестественных существ. 1997 / Сост. К. Королев. М.
- Энциклопедия суеверий. 1995 / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд, Е. Миненок. М.
- Юсупов Х.А., Муталимов М.А.*, 1997. Харбукцы: история и культура. Махачкала.
- Яковлев Н.*, 1925. Ингуши: Популярный очерк. М.; Л.
- Ярлыкапов А.А.*, 1999. Ислам у степных ногайцев в XX веке (Историко-этнографическое исследование): Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М.